

ВЕДОМОСТИ

ИЗДАЮТСЯ СОВМЕСТНО С

THE WALL STREET JOURNAL & FINANCIAL TIMES

“Ничейная земля”

Квентин Тарантино снимет фильм о Второй мировой войне

Лариса Юсипова
Ведомости

21.06.2004, №105 (1145)

Перед просмотром на церемонии открытия XXVI МКФ самой лирической своей картины “Убить Билла, том 2” Квентин Тарантино ответил на вопросы “Ведомостей”.

— В конце вашего последнего фильма героиня Умы Турман повторяет сквозь слезы: “Спасибо, спасибо, спасибо...” Кого она благодарит?

— Бога, кого же еще? За то, что он позволил ей встретиться с дочерью, которую она считала умершей.

— Благодарит Бога, она? Женщина-воин, которую ее возлюбленный Билл называет прирожденной убийцей?

— Возможно, она сама не понимает, к кому обращается. Она чувствует лишь, что существует некая сила, которая помогла все преодолеть, найти то, что она уже не надеялась обрести. Сделать так, что ее дочь жива. Эта сила и внутри, и вовне ее.

— Когда-то давно вы сформулировали принцип структуры, что в основе всех ваших фильмов “сначала ответ, а вопрос — потом”. У вас нет желания когда-нибудь отступить от этого принципа?

— Я действительно обожаю рассказывать истории нелинейно. Не потому, что хочу показать, какой я крутой и изысканный. Просто мне надо сделать так, чтобы рассказать свою историю как можно интереснее, чтобы все время держать зрителя в напряжении. Мне кажется, это лучше получается, если начать историю с середины. Тогда зритель сразу эмоционально включается. Это, между прочим, и романисты делают, причем часто — перескакивают с одного временного пласта на другой. Когда я сам с этим встречаюсь — и у писателей, и у других режиссеров, — я понимаю, что попал в надежные руки: хочется узнать, что произойдет в следующую минуту, — а не тут-то было! И надо запастись терпением!

Но все это вовсе не означает, что я не готов рассказывать истории традиционным образом — от начала и до конца, ни на что не отвлекаясь и не сбываясь. Как только мне в руки попадет материал, для которого подойдет такой способ изложения, я стану традиционным рассказчиком. Но пока такой материал мне в руки не попадал.

— Кстати, о материале. Ходит много разных слухов по поводу вашего следующего фильма. Кто говорит, что это будет сиквел Kill Bill, кто говорит, что фильм о войне.

— Нет, это не продолжение Kill Bill. То есть я собираюсь его снимать, но не сейчас, а лет эдак через 15. Про кино о войне — это ближе к истине.

— О какой именно?

— О Второй мировой. У фильма уже есть название: *Inglorious bastards* (“Бесславные ублюдки”). Что-то вроде “Грязной дюжины”.

Возможно, это будет уже следующий мой фильм, а возможно — через один. Я пока не решил.

— А почему именно о Второй мировой?

— Мне нравятся фильмы об этой войне. Я всегда был большим их поклонником. Для меня Вторая мировая — эта та точка в истории XX века, когда вся планета вдруг стала “ничейной землей”: универсумом спагетти-вестернов.

— Десять лет назад вы получили “Золотую пальмовую ветвь” Каннов за “Криминальное чтиво”. В этом году вы как председатель жюри вручали ее Майклу Муру за “Фаренгейт 9/11”. Вы как-то прочувствовали это изменение своего статуса?

— Знаете, бывают моменты, когда ты будто останавливаешься и будто смотришь на свою жизнь под микроскопом, пытаешься понять, чего ты достиг. И для меня таким моментом стало председательство в каннском жюри. Просмотр чужих фильмов, признание чужого таланта, вручение наград — все это обернулось совершенно особенным опытом.

И вот я теперь думаю: может ведь наступить такой возраст, когда ты уже перестаешь снимать, перестаешь быть режиссером и становишься “фестивальным человеком”: переезжаешь с фестиваля на фестиваль, судишь, смотришь — и, честное слово, это не самое худшее завершение кинематографической карьеры.

Постоянный адрес материала: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2004/06/21/77355>
